

МИЦКЕВИЧ ОЛЬГА

Трое

Две девушки и парень с мечтой.
Порой то, чего мы желаем сильнее
всего, нас же и губит...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Мицкевич

Трое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62702471

SelfPub; 2020

Аннотация

Как быть, если влюбилась в лучшего друга? История отношений трех друзей, знавших друг друга с детства – Никиты, мрачного мечтателя с непростой судьбой, и двух влюбленных в него девушек. История первой любви и первого разбитого сердца, но прежде всего, история искренней дружбы и цены, которую за нее приходится заплатить. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1.	5
2.	10
3.	13
4.	16
5.	19
6.	22
7.	27
8.	35
9.	38
10.	41
11.	43
12.	46
13.	56
Аня	59
Эпилог	64

Пролог

Порой то, чего мы желаем сильнее всего, нас же и губит.

Цветы были прекрасны. Накрытый стол в укромном уголке ресторана, тихая музыка, изысканный ужин: все выглядело великолепно. И ощущалось очень неправильно.

Он отложил вилку, медленно отпил вина и, потянувшись через стол, взял меня за руку. Мягко повернул ладонью вверх, словно изучая узор на коже, а потом посмотрел мне прямо в глаза открытым, честным взглядом.

– Ты помнишь время, когда я был безумно влюблен в тебя?

Холод волной спустился у меня по спине.

– Нет.

– Хорошо, – он отпустил мою ладонь и откинулся на спинку стула. – Потому, что я никогда тебя не любил.

1.

Сколько я себя помню, нас было трое. Маленький белокурый мальчик годом старше, и две, живущие по соседству, девчушки. Тихая, глухая улица в частном секторе спального района. Пожалуй, мы были обречены с самого начала.

Я не помню момента знакомства. Мы просто всегда были вместе – наши с Аней дома разделял проволочный забор, с маленькой калиткой в тени жасмина. А Никита жил напротив и окна наших спален выходили на, пролегающую серой лентой, дорогу.

У Ани была собака – пушистая, игривая колли по кличке Джек. Никита звал его исключительно «Лесси спешит на помощь»¹, чем невероятно злил Аню. Ее розовые губки сжимались в тонкую линию, а шея покрывалась алыми пятнами, и такая реакция девочки только еще больше раззадоривало взбалмошного мальчишку.

В пять мы таскались за Джеком по двору, катали на нем кукол и солдатиков. В семь Никита придумал, что было бы невероятно круто научить пса играть в футбол, и все лето бегал за ним с футбольным мячом. В итоге Джек прокусил два мяча, но к футболу остался равнодушен. В девять, когда мы стали устраивать пятничные посиделками с марафоном

¹ Американский телесериал, 1954 – 1973 гг.

«Супер Марио» и ночевками, Джек любил растянуться на полу, между нашими спальниками, и воровал овсяное печенье и попкорн.

В тот год, когда Никите исполнилось одиннадцать, его мама вышла замуж второй раз (судьба родного отца Никиты навсегда осталась для нас туманна и загадочна), и мы с Аней все чаще стали замечать, каким растерянным и хмурым он становится, когда его спрашивают об отчине. Каким молчаливым. Он больше не называл Джека «Леся спешит на помощь» дурацким, певучим голоском. Никогда.

Однажды, в середине июля, когда весь день стояла удушающая жара и воздух был напоен густым ароматом жасмина, а к вечеру разразилась гроза, мы лежали с Аней на полу ее спальни, лениво жевали крендельки и рассматривали сквозь оконный проем, как в небе белым вспыхивают зарницы. Дождь барабанил по крыше и подоконникам крупными, тяжелыми каплями. Была пятница и Никита опаздывал. Мы уже, честно сказать, его не ждали – в то лето он все чаще пропускал наши посиделки. Но он все же пришел: насквозь мокрый, с бледным лицом и припухшей, разбитой губой. Мы оторопело смотрели на него, такого знакомого, чужого мальчишку, не зная что сказать. Не понимая, стоит ли.

Не говоря ни слова, он стянул кеды, плюхнулся на пол и прислонился спиной к стене за нами. Джек, до того момента мирно спавший, поднялся, подтолкнул голову под Никитину руку и принялся, поскуливая, вылизывать его лицо. Когда

Никита сдался и потрепал пса между ушей, Джек устроил голову у него на коленях и не отходил от Никиты до самого утра.

– Может, сегодня просто фильм посмотрим? – спросил Никита тихим, ломким голосом, поселившим в моей душе первые семена тревоги. Семена, которым было суждено простости с течением времени.

Мы переглянулись – две маленькие девочки, выброшенные в открытый океан чужого горя. Потом Аня встала, вытянула с полки первый попавшейся диск и вставила в DVD-проигрыватель. Сев обратно, она нашла мою ладонь в полумраке, и сильно сжала, переплетя наши пальцы.

Когда Аня задремала, я украдкой оглянулась на Никиту. Он спал, прислонившись плечом к дивану, и обняв одной рукой Джека за лохматую шею. Тени у него под глазами казались огромными, а на щеках блестели соленые дорожки слез.

В тот год он перестал приглашать нас к себе в гости, и стал все чаще бывать у нас. Я помню, как моя мама часто хмурилась, когда мыла посуду и смотрела в окно, на противоположную сторону улицы, а папа всегда становился очень отстраненным и крайне вежливым, когда встречал у калитки Александра, отчима Никиты.

Что касается нас с Аней, мы не до конца понимали что происходит, и просто сторонились этого высокого, грузного мужчины с большими руками и мрачным взглядом.

Мы никогда не обсуждали какой была Никитина жизнь за

запертыми дверями его дома. Словно их было двое: наш Никита – саркастичный, смелый, с блеском в голубых глазах, – заканчивался на первой ступени крыльца. А там начинался другой – замкнутый, с сжатыми губами и злым взглядом. Парень, прячущий лицо за капюшоном черной худи.

Так продолжалось до декабря того года, когда Никите исполнилось тринадцать. В начале каникул его одноклассник устроил вечеринку – первую и потому грандиозную, – на которую нас с Аней не пустили (малы еще), и на которой Никита проколол себе ухо. Мы узнали об этом на следующее утро. К телефону никто не подходил, поэтому мы провели пол дня, нетерпеливо поглядывая в окно на дом через улицу, поглощая конфеты и рисуя рождественские открытки. Машины у дома номер девять не было с раннего утра, свет в окнах не горел.

Едва услышав заветный шорох шин по укатанному снегу, мы вылетели на мороз прям в тапках, на ходу натягивая куртки. Первой вышла Никитина мама, открыть ворота. Бледная и встрепанная. Потом неуклюже вылез Никита, бережно придерживая загипсованную левую руку.

– Он упал с лестницы, – глядя мимо нас, сказала тетя Марина бесцветным голосом.

– Да ну? – едко усмехнулся Никита и закатил глаза.

– Пойдем, – сказала она, уже тверже. На ее щеках проступили бледно-розовые пятна. – Пора обедать.

– Я не голоден. Буду у Ани.

Проходя мимо, он сжал мою руку и мы, виновато потупившись, пошли следом.

После ужина мы с Аней рисовали рождественские гирлянды фломастерами на гипсе, а Никита гладил Джека свободной рукой и рассказывал во что превратилась его жизнь с тех пор, как в ней появился Александр.

Я думаю, в подробностях нет смысла. Отчим был строг и методы воспитания у него были жесткими. И все бы ничего, если бы мама Никиты не закрывала глаза на поведение мужа, спрятавшись за дверь и бокалом вина, убеждая себя что «все это мальчику на благо».

В то Рождество Никита получил в подарок гитару. Это была попытка откупиться, и все это понимали.

2.

Шло время, складывая недели в месяцы и годы. Никита стал чаще драться, меньше бывать дома и наотрез отказывался обсуждать свою семейную ситуацию с кем-то, кроме нас. К пятнадцати годам он уже был завсегдаем и у директора школы, и у штатного психолога. У обоих он в основном молчал, развалившись в кресле, так что эти визиты вряд ли имели смысл. В особенно плохие дни, он забирался в окно либо моей, либо Аниной комнаты (у нас обеих всегда был готов спальник) и лежал в наушниках, всю ночь напролет слушая музыку.

Музыка стала его спасением – злая, напористая, часто слишком громкая, с едкими, наполненными болью текстами. Никита сбегал в мир нот и звуков, как будто спасаясь в нем от своего, настоящего. Со временем у него появился блокнот, а потом и несколько, в которые он постоянно что-то записывал. Нам с Аней он сказал, что это просто его глупые мысли, которые, возможно, смогут переродиться в стихи или песни. Когда и *если* это случится, мы будем первыми, кто их услышит. Я никогда не сомневалась, что это *если* непременно наступит, потому что когда он брал в руки гитару, он находился в мире с собой.

Нам всегда было комфортно вместе – в тишине, на узких диванах, когда каждый при своих мыслях. И мне наивно ка-

залось, что ничего на свете не сможет этого изменить. А потом отчим Никиты сбил Джека и наша жизнь, какой я ее знала и любила, закончилась.

Мы только вернулись со школы: теплый майский день, каникулы уже на пороге, в теплом воздухе порхали первые бабочки. Аня растянулась на моем крыльце, я изучала содержимое холодильника. Обычный полдень обычного дня.

Когда раздался глухой удар и визг резины по гравию, я даже не сразу обратила на это внимание. Но когда в кухню убежал папа, выражение его лица приковало меня к полу.

Александр возвращался домой на машине, когда Джек погнался за вороной и вылетел прямо ему под колеса. Аниных родителей не было дома, поэтому в ветеринарную клинику пса повезли мои мама с папой. Огромный, рыжий комок перепачканной кровью шерсти в моем старом детском одеяле.

Никита прибежал сразу после школы – у него в это день было на два урока больше. Мы сидели на крыльце, в полной тишине, обхватив оцепеневшую Аню с двух сторон, и ждали возвращения моих родителей. Три бесконечных часа спустя, когда на горизонте уже алел закат, на нашу улицу свернула папина машина. Он припарковался, заглушил мотор, посмотрел на маму, а потом на нас, замерших в немом вопросе. Папа медлил, продолжая сжимать руль, и мы все поняли.

В этот момент Аня наконец разрыдалась, громко всхлипывая и судорожно втягивая воздух. Она уткнулась в Никитино плечо, и он прижал ее к себе, крепко обхватив худые

плечики. Нежно поглаживая по волосам, он шептал что все будет хорошо и что мы рядом.

И в это момент, в самый плохой день на моей памяти, меня накрыли сразу три ошеломительные эмоции, которые поразили мой разум неловкой, пятнадцатилетней девушки, до онемения – ревность и ужас от осознания, что я влюблена в Никиту, и горькое отчаянье, потому что эти двое разделяли то же чувство, пусть еще и не поняли этого.

3.

Тот вечер отпечатался в моей памяти яркими, острыми обрывками.

Я мну в руках свое старое одеяло, покрытое шерстью и ржавыми пятнами засохшей крови.

Мама и папа за столом тихо переговариваются напряженными голосами над чашками с чаем в желтом свете кухонной лампы.

Бледная, как тень, Аня в окне своей спальни сжимает старого, застиранного зайца с одним ухом. Любимая игрушка Джека.

Пряный запах гиацинтов у нашего крыльца.

Резкий звук, с которым взрываются стекла машины – одно, потом второе, третье. Я подскакиваю на ноги и бегу к калитке, на другую сторону улицы. Слышу, как хлопает входная дверь Аниного дома, звонкие шлепки босых ног по брусчатке.

Мы замираем на краю проезжей части.

Никита стоит рядом с машиной отчима. Черная худи, черные джинсы, цепь на бедре. Прямая напряженная спина и старая бита в руке. Я вдруг понимаю, что он шагнул далеко за порог детства, за черту беззаботных пятничных вечеров, и ему уже никогда-никогда туда не вернуться.

Он перебирает пальцами рукоять, нервно поигрывая сво-

им оружием возмездия. Открывается дверь и на пороге появляется Александр. Я кожей чувствую Анин взгляд, но продолжаю смотреть прямо, на Никиту.

На миг мы все четверо замираем, пойманные в моменте, будто муравьи в янтаре. Потом лицо Александра белеет, линия челюсти сжимается – я вижу это четко, как при макро-съемке, – и он делает шаг с крыльца. Никита, перехватив биту второй рукой, со всего размаха ударяет ею о капот машины, а потом сразу по фаре.

Фара взрывается хрустальными брызгами. Под подошвами Никитиных кед хрустит стекло. Александр, громко и неразборчиво крича, сбегает по ступеням, домашние тапочки нелепо шлепают его по голым пяткам. На ходу он выдергивает ремень из брюк – толстый, с тяжелой, металлической бляхой, – и складывает его пополам.

Меня словно пинают в спину, и я уже на середине дороги. Визг резины и пронзительный автомобильный сигнал взрывают барабанные перепонки. Кто-то кричит, и я отстраненно понимаю, что это Аня. Мы хватаем Никиту, каждая за свою руку, и тащим назад, на дорогу, за границу разделительной полосы. Бита скользит по осколкам, стекло хрустит под подошвами, и в них, россыпью огней, отражается свет фар едва не сбившей меня машины.

У меня звенит в ушах. Никитино предплечье под моими пальцами жесткое, твердое. Он словно сплетен из корабельных канатов и гнева.

Мой папа у ворот, а мама на крыльце: мнет край кухонного полотенца.

Над головами с треском загораются уличные фонари – щелк, щелк, щелк.

Анин отец стоит возле открытой дверцы машины – мы выскочили ему наперез, когда он сворачивал в тихий тупик нашей улицы.

– Идем, – шепчет Аня, а ее голос дрожит от слез. – Пожалуйста, давай уйдем.

Вдали, за кронами старых тополей, алеет яркая, пурпурно-розовая полоса заката.

4.

Позже, на кухне, моя мама аккуратно выбирала осколки из Аниной ступни. Маленькие капельки крови разбивались о кафель неправдоподобно громко в давящей тишине. Я замороженно смотрела на них, не в силах отвести взгляд. Мои мысли казались густыми и вязкими, словно туман. Не уверена, что за последние пару часов я вообще произнесла хоть слово. Время потеряло смысл, перестало правильно ощущаться, и когда я посмотрела за окно, там была глухая ночь.

Мой папа с Аниным отцом тихо переговаривались на крыльце. Не похоже, что спорили, но голоса звучали раздраженно. Никита спал в моей комнате, наверху. Точнее, предполагалось, что спал, но я то знала, что, вероятнее всего, он растянулся на полу и слушал, как злой парень в его наушниках, требует справедливости. Мне кажется, приходила тетя Марина, но дальше крыльца ее не пустили. И я благодарна своим родителям за то, что сегодня Никита будет спать не под крышей родного ему дома.

По крайней мере сегодня, он будет в покое.

Мама разлила чай и устало села напротив. Мы с Аней молчим. Подруга взяла меня за руку и сжала ее. Я знаю, что Ане больно, и страшно, и еще она устала. И я хочу чувствовать все так же остро, как она, в эту безумную, длинную ночь.

Но вокруг меня только немота. Сегодня я плохая подруга, – впервые с начала всех времен – и это единственная причина, по которой Аня, румяная девочка из моего детства, этого не заметила.

Мы поднялись наверх, тихо приоткрыли дверь и сощурились в темноте, в поисках Никиты. Он все же уснул. Аня села на пол рядом с ним, мягко убрала прядь волос с гладкого, мальчишеского лба.

– Ты так напугал меня, – прошептала она, и я скорее почувствовала, чем увидела, как по ее щекам бегут слезы.

– Ложись спать, – услышала я свой голос. – Уже поздно.

Я стянула джинсы, убрала покрывало и села на кровать, ожидая что Аня последует за мной. Но она вытянула свое маленькое тело вдоль Никиты и положила голову на сгиб локтя, заглянула ему в лицо. Горечь расцвела ядовитым цветком в груди, и я отвернулась.

Я не хочу это чувствовать. Мы друзья. Нас всегда было трое. Мы связаны, стянуты миллионом сладких и горьких воспоминаний. Они в каждом моем детском воспоминании, в плохих и хороших снах, в мечтах и обещаниях. Наши узы нерушимы.

Ведь так?

Я проснулась, когда за окном было еще темно. На горизонте, туманной дымкой, бледнел рассвет. Анина голова лежала на груди у Никиты, он обнимал ее одной рукой, а их ноги переплелись причудливым узлом. Будто почувствовав

мой взгляд, он повернул голову и приоткрыл глаза. У меня перехватило дыхание и я быстро зажмурилась, словно пойманная за чем-то непристойным. Меня мучало ощущение, что я помешала чему-то, очень личному, не предназначенному для чужих глаз.

Я лежала, боясь пошевелиться, пока за окном не начали щебетать птицы, возвещая приход нового дня. Слышала, как мама спускается на первый этаж. Свист чайника и звук, с которым двигались стульев по кафелю, когда к завтраку спустился папа.

Двое на моем полу медленно просыпались: сначала тихо, потом громче. Осторожный шепот, возня и оба тихо вышли из комнаты, стараясь не разбудить меня. Скрип половицы, и к родительским голосам прибавились еще два.

Я накрылась одеялом, отрезав себя от пения птиц и звуков весеннего утра. Проспать бы миллион лет, и пусть меня разбудят, когда все закончится! В груди разливалось липкое, тянущее чувство тоски. И вместе с тем, мне было любопытно, придёт ли кто-то меня будить. Не знаю чего я хотела больше – чтоб про меня вспомнили, или навсегда забыли. По крайней мере, на сегодня.

В конце концов, я заснула и мне снился Джек. Его радостный лай, которым он встречал нас со школы, и старое одеяльце в пятнах крови.

5.

По профессии моя мама психолог. Она всегда знала и видела гораздо больше, чем я хотела бы ей показать. Иногда меня это злит, а иногда очень помогает. Если я не могла подобрать слова, чтобы описать свои чувства, мне и не надо было.

Первое время мама молчала. Просто иногда подольше задерживала на мне взгляд. Думаю, она выжидала удобного момента.

Школа закончилась. Пришло лето, а с ним обещание теплых вечеров, ягод в сливках, соленый воды в волосах и велосипедных прогулок.

В первый раз я сказала Никите с Аней, что у меня другие планы. Потом, что я должна помочь папе с его проектом на работе. В следующий раз у меня болел живот, потом мы с мамой разбирали чердак. Днем позже я с утра до вечера косила траву во дворе, а на следующий день убирала ее. Я отказалась от помощи, сказав, что это мое наказание, и будет нечестно.

Я соврала.

Когда «срочные» заботы в доме были улажены, а у меня закончились идеи, я записалась волонтером в собачий приют на другом конце города, и три раза в неделю выгуливала собак и чистила клетки. Местная библиотека затеяла ре-

монт, и, спустя пару дней, я уже отскабливала старую краску в фойе и покрывала лаком перила.

Мама спросила, все ли у меня в порядке, и я честно ответила, что да. Мне действительно нравилось быть при деле, выполнять что-то простое, но полезное. И, уставая, меньше думалось.

Они постоянно приходили, надо отдать им должное. Аня чаще звонила, Никита просто забредал во двор, садился на крыльцо, и несколько часов пытался меня разговорить. Потом, похоже, сдался и просо сидел, перебирая гитарные струны, слушая музыку или записывая что-то в одном из своих блокнотов, пока я изображала бурную деятельность по прополке маминого огорода или усердно мыла окна.

Вечером к нам присоединялся папа, и тогда Никита болтал с ним. Ему было пятнадцать, мужская компания, наверно, становилась для него все привлекательней и интересней. И папа всегда был добр с ним, не спрашивал лишнего. Они починили старый мамин велик, разобрали, и не смогли собрать, дедушкино радио, почистили от листьев и починили водосточную трубу.

И чем больше Никита был рядом, тем больше мне хотелось от него сбежать. Дикость этой мысли, ее чуждость, пугала меня до дрожи. Он защитил нас в школе, когда старшеклассник вывалил Ане на платье поднос с обедом. Он снял нас с дерева, когда мы играли в Питера Пена и забрались слишком высоко по стволу старой сосны. Он промыл и за-

бинтовал мою коленку, когда я упала с велосипеда в девять лет и расшиблась о камни. Он соврал Аниной маме, сказав что это он разбил вазу с конфетами – свадебный подарок от бабушки.

Он был рядом, всегда.

А теперь моя кожа покрывалась мурашками, а в животе сворачивался тугий узел, стоило ему коснуться меня.

Пятничных вечеров, с попкорном и кино, больше не было. Аня сдалась раньше.

– Она на тебя обиженна, – сказал как-то Никита, рассматривая меня поверх гитары. – Не хочешь объяснить что с тобой?

Я пожала плечами. Хотела бы я чувствовать себя иначе или не чувствовать вообще ничего, однако, это было невозможно. Так что сказать мне было нечего.

6.

На Лиго² мы уехали в Латгалию³, к маминым родителям. Сидя на поваленном дереве, обозначившем границу бабушкиного хозяйства, я дышала пряным запахом травы после дождя, терпким ароматом сырой земли. Перед моими глазами до самого горизонта стелилось рапсовое поле. Впервые со дня смерти Джека мне не хотелось сбежать. Я просто наслаждалась тихим вечером, а мысли мои витали далеко от всего, что осталось в Риге, когда подошла мама и села рядом.

– О чем думаешь? – спросила она, немного погодя.

– Да так, ни о чем конкретном.

– Он хороший мальчик, – мягко отозвалась мама. – И, возможно, он разобьет тебе сердце, милая, сам того не желая. А возможно – нет. Никому не дано знать. Но вот что ты знаешь наверняка, – она обняла меня за плечи и нежно прижала мою голову к своему плечу, как часто делала, когда я была маленькой, – у тебя есть ни один, а два замечательных, верных друга. И это настоящее богатство. Разве они не стоят

² Лиго (Līgo) или Янов день (Jāņi) – латышский народный праздник. Отмечается в ночь с 23 на 24 июня и считается одним из самых больших и популярных праздников в Латвии.

³ Латгалия или Лátгале (латыш. Latgale; латг. Latgola) – одна из историко-культурных областей Латвии. Расположена на востоке страны к северо-востоку от реки Даугавы и юго-востоку от рек Айвиексте и Педелзе, занимая одну четверть территории Латвии.

разбитого сердца?

Щеки обожгло. Я теснее прижалась к маминому плечу и простила себе тихие слезы.

– Я чувствую себя такой глупой, мам.

– Нет ничего, что не смогла бы исправить чашка какао или зефир, – она погладила меня по волосам, совсем как в детстве. – Просто поговори с ними, они всегда понимали тебя лучше тебя самой.

Это действительно так, и именно это меня и пугало – то, как легко Никите и Ане всегда удавалось читать меня, словно книгу.

Мы вернулись домой через три дня. Я взлетела вверх по лестнице, намереваясь бросить рюкзак и пойти к Ане. Подъезжая, я слышала Никитину гитару из соседнего сада, и с облегчением подумала, что мне не придется повторять свою нелепую историю дважды. Я еще не знала, что скажу. Мне просто надо было все исправить.

Гитара тренькнула и замолчала, оборвав мелодию. Уже выходя, я бросила взгляд в окно, с которого видно большую часть Аниного двора и крыльцо ее дома. На горизонте гремело, чернильная синева затягивала небо с востока, а я хотела успеть до дождя.

Вот они, оба. Никита с гитарой, Аня с книгой. Его рука на ее колене, ее рука зарылась в светлые кудри на его затылке. Их глаза закрыты, а губы соединены поцелуем.

Я отпрянула от окна, будто обжегшись. Пятилась, пока не

споткнулась о кровать, неуклюже плюхнувшись на матрац. В комнате медленно сгущались тени, занавески трепал усиливающийся ветер, а я вцепилась в края старой джинсовой куртки, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Пытаюсь просто дышать.

Слишком поздно.

Дождь все же прошел мимо, едва зацепив краем. На горизонте полыхали зарницы и зловеще рокотало еще почти час. Когда утих ветер, я спустилась и вышла на улицу. Сидела на крыльце с чашкой чая и наслаждалась душистым, густым вечерним воздухом. Краем глаза подметила, как зажегся свет в Аниной комнате, потом на крыльце ее дома.

В буйной траве у калитки яростно стрекотали кузнечики. Вдалеке ветер шумел в кронах старых тополей, темными стражами охраняющих горизонт с востока. Скрипнула калитка и, спустя мгновение, из тени показалась высокая фигура. Никита молча сел рядом, прислонил гитару к столбикам крыльца и, уперев локти в колени, уставился на свои кеды.

Чай внезапно стал горьким, и я отставила кружку в сторону.

– Привет, – сказала я в темноту.

Он кивнул и потер лицо, избегая встречаться со мной взглядом. Такой чужой.

Я помню, как мы лежали на полу, читали комиксы и предавали по кругу пакет с лакричными конфетами, звуки смеха и глупые, детские шутки. Как Никита учил меня катать-

ся на скейте, а у меня не получалось. Как от него пахло ко-
ричным печеньем в детстве, и как это волнительно, что сей-
час он пахнет мятой и тайнами. Помню, как Аня вплетала
мне ленты к косы и говорила, что я самая красивая девочка
на свете, но только после нее. Теплые, крепкие объятья ее
изящных рук.

Без них двоих я себя совсем не знаю.

– Слушай, – начал он тихим, измученным голосом, от ко-
торого у меня скрутило внутренности и замерло сердце. –
Мне надо тебе кое-что сказать. Я хочу... точнее, мне надо...
Вот же блин!

Никто не виноват, что меня угораздило влюбиться в луч-
шего друга. Никто не виноват, что с ними двумя случилось
тоже самое. Мне осталось решить, стоит ли наша дружба мо-
его разбитого сердца. Прямо сейчас.

– Я знаю, – мы оба вздрогнули от звука моего голоса. Ни-
кита выпрямился и устремил на меня недоверчивый взгляд.
Синие угли на бледном лице. Теперь он, не мигая, смотрел
мне в прямо в глаза. – Прости, так уж вышло, что я вас ви-
дела. Я не хотела.

– Нет, подожди... – его рука легла на мою коленку. Он
всем телом подался вперед и, с непонятной смесью недоуме-
ния и отчаянья, вглядывался в мое лицо, словно ища чего-то
и не находя.

– Все в порядке, – я накрыла его теплую ладонь своей хо-
лодной. Он озадаченно посмотрел на наши сплетенный паль-

цы. – Я за вас рада. Правда.

Почти правда. И я даже улыбнулась, чем, похоже, удивила обоих. Когда я обняла его, Никита вздрогнул, а мышцы на его спине казались жестче досок крыльца.

– Прости, что вела себя как полная идиотка с самого начала лета. Я, правда, не знаю что со мной было.

Казалось, прошла вечность, пока он обнял меня в ответ, и я смогла наконец выдохнуть. С того момента все вернулось на круги своя, и уже никогда не было как прежде. *Мы* уже никогда небыли прежними.

7.

Каждое лето, с тех пор как Никите исполнилось шестнадцать, на время каникул он уезжал в деревню, на заработки, и всегда возвращался на пару сантиметров выше, с отросшими, выбеленными солнцем, волосами и темный от загара. Платили мало, но он говорил, что там его окружали только поля, стога сена и облака в просвете тонкой листвы. На короткий период времени он переставал быть мальчиком, которого бил отчим.

Мы часто созванивались, но редко говорили о чем-то серьезном. И никогда не упоминали Аню.

После случая с машиной, Александр больше ни разу не поднял руку на пасынка, но урон уже был нанесен. Никита вырослел, по-прежнему оставаясь молчаливым и замкнутым, недоверчиво-осторожным в отношении окружающего мира. Девочки в школе считали его угрюмую натуру весьма интересной. Он вел себя так, словно ему нет дела до мнения окружающих, что только добавляло его образу таинственности и шарма. И, да – он хорошел.

В шестнадцать старший брат его одноклассника сделал ему первую татуировку, (к выпускному классу их было уже пять). Он все чаще дрался, завел друзей среди ребят со слишком длинными волосами, громкими голосами и резковатыми шутками. С ними же впервые напился, отмечая свое

семнадцатилетние, и потом два дня ходил больной и бледный.

В старшей школе у него появились друзья среди парней, я же стала чаще общаться со своей двоюродной сестрой и девочками из класса. Наши пятничные вечера вернулись, но стали реже, и теперь диван мы делили только с Аней. Никита садился на пол, разделяя наши колени своей спиной. Аня лениво перебирала его волосы, а я сосредоточенно жевала попкорн. Сухой, похожий на пенопласт, он застревал в горле и тяжелыми комьями скользил в желудок.

Я знала, что Никита иногда провожал Аню домой со школы. Сама же я записалась в школьный комитет, сделав все возможное, чтобы наше с ней расписание больше не совпадало. Я проиграла бой со своей собственной душой, и сдалась. Я видела какими глазами она смотрит на него, когда думает что никто не замечает – тем особенным, наполненным обещаниями, взглядом.

И как он смотрит на нее.

Между десятым и одиннадцатым классом, на скопленные деньги, Никита купил еще одну гитару, а позже собрал у себя во времянке на заднем дворе еще троих ребят с барабаном и прочими инструментами из разряда «у кого что нашлось». Так родилась «Сизая Моль» – четыре подростка в слишком узких джинсах с дырявыми коленями и растянутых майках.

Бывало, весной, в выходные дни, я сидела на старой лавке под окном его дома с книгой или просто с бутылкой ми-

нералки, грела лицо под первыми лучами солнца, и слушала, как ребята бренчат на своих инструментах. Если когда-то все эта затея казалась мне баловством, то мое мнение изменилось, стоило впервые услышать, как они играют вместе. Как Никита поет. Их тексты были неумелыми, рифмы простыми и неточными, они сбивались с ритма, откровенно перебарщивали с басами, но в них был голод, кусачий и безжалостный. Он толкал вперед, хватал за пятки. А в музыке чувствовалась душа, и страсть, и так много боли.

Кое-как записав первые пять песен, ребята разослали демо везде, куда только смогли придумать. Никите едва исполнилось восемнадцать, когда им отказали в первый раз. Тогда он только посмеялся. Несколько месяцев и примерно дюжину отказов спустя, я нашла его на заднем дворе, с обратной стороны временки, что служила им студией: гитара, обрывки листов из блокнота и злой, обреченный взгляд.

– Я начинаю думать, что этот мудака прав, и я ни на что не годен.

Я села рядом и положила голову ему на плечо. С некоторых пор мне было гораздо легче говорить с Никитой, не видя его глаз. Трусость меня не красила, но тут я была бессильна.

– Чего ты хочешь? Не прямо сейчас, а вообще.

– Прямо сейчас я хочу напиться и поспать. В любом порядке.

Я пихнула его в плечо и получила такой же шуточный тычок в ответ. Мне хотелось его обнять, но я не стала. Мне хо-

телось спросить почему он тут один, не с Аней, но и этого я делать не стала.

Жесткая, прошлогодняя трава колола спину и бедра через джинсы, в воздухе стоял терпкий запах прелой листвы и дождевых червей. Небо затянули серые тучи, а на заборе напротив делили добычу вороны. Антураж вполне себе в духе драматического кино.

В тот момент я четко понимала, что мне надо забыть о своем глупом, девичьем сердце и просто быть хорошим другом, прямо сейчас. Ведь в моей жизни не было ничего – ни единой вещи, – которая доставляла бы мне хотя бы толику той радости и удовлетворения, которое приносит Никите музыка. Я просто плыла по течению, в ожидании того, что же жизнь мне подкинет за следующим поворотом. Да, есть книги, но я любила читать истории, а не создавать их. Никита же создавал и проживал целые жизни через свои тексты, когда я – просто подглядывала из-за занавеса.

Именно поэтому то, что делал он, казалось мне удивительным. Хотя, если быть совсем честной, все что делал Никита казалось мне удивительным.

– Я бы хотела чувствовать мир, как его чувствуешь ты, – нарушила я тишину, тщательно подбирая слова. – Так же резко, страстно. Я жалею, что не могу.

– Чаще всего я не чувствую ничего, кроме гнева.

– Я в это не верю.

– Зря.

– Ладно, как скажешь. Тогда ты можешь смириться и продолжать сидеть тут, в веселой компании гитары и меня. Ты можешь сдаться, и твои стихи не увидит никто, кроме бумаги, на которой они написаны.

– Слушай, это не так легко, как кажется!

– Сдаться проще всего. Но ты не такой, я знаю. Я верю в тебя. Почему же ты – нет?

Он напряженно замер, словно теперь действительно слушал. Какое-то время, в звенящей тишине наступающего вечера, было слышно только наше дыхание. Потом он нашел мою ладонь и сжал пальцы. Это придало мне смелости продолжить, ведь я боялась, что сказанные мной слова звучат как высокопарный бред.

– Для тебя музыка – это дом, в котором живет твоя боль. Так возьми ее, всю эту ярость, весь гнев, и заполни ими страницы. А потом подари эти страницы миру и будешь услышан. Лист бумаги и ручка. Просто говори правду.

– Так просто?

– Черта с два это просто! – фыркнула я. – Правда требует смелости. Любой может быть угрюмым мальчиком в черном худи и с битой. Но далеко не каждый сможет поделиться кусочком своей души.

– Ты так говоришь, будто эта бита стала определяющим вектором в моей жизни.

– В некотором роде, так и есть.

Я потянулась, взяла гитару и положила ему на колени.

– Зачем?

– Затем, что когда ты станешь богатым и знаменитым, забудешь меня и весь этот глупый, сонный район с нашей тупиковой улицей, – Никита закатил глаза и ухмыльнулся. Почти улыбка, так что я засчитала себе маленькую победу, – помни, что никакие деньги не смогут увести меня туда, где я оказываюсь, когда слушаю, как ты своими неловкими пальцами перебираешь струны этой старой гитары.

Он долго смотрел на меня, нахмурившись, потом прижал к своему теплому боку и прошептал:

– Я никогда не смогу забыть тебя. Даже не надейся.

Спустя год неудачных прослушиваний, школьных дискотек, концертов в третьесортных клубах и барах, им наконец повезло – их заметили. Все четверо едва закончили школу, потому, что практически ее не посещали. Математика и химия больше не играли в их жизнях никакой роли.

В самом начале июля, когда тягучий воздух пьянит липовым ароматом, а у ночи вкус жасмина и меда, ребята получили приглашение от западно-европейской звукозаписывающей компании. Всего неделю спустя Никита и «Сизая Моль» уехали в европейское турне, выступать на разогреве у чуть более известных команд и на коллективных рок-фестивалях.

Нас с Аней в сентябре ждал выпускной класс.

Прощание получилось скомканным. Пожалуй, это был последний раз, когда все мы трое были вместе. Больше мы не созванивались. Поначалу, я писала длинные мейлы, потом

короткие смски, и порой Никита даже отвечал.

Редко ребята мелькали в соцсетях или на Ютубе. Тимур, барабанщик, в своем Инстаграме выкладывал видео из-за кулис или с репетиций, реже – кадры пьяных вечеринок в автобусе. Незнакомые лица, окутанные серым дымом, пустые бутылки и пачки сигарет, надкусанные яблоки и коробки из под печенья. Новая, другая жизнь.

В выпускном классе Аня попробовала себя в роли модели для фотосъемки, весьма удачно. Подстригла волосы и перекрасила их в яркий, огненно-рыжий цвет, который, надо признать, очень ей шел. В ее гардеробе появилось много коротких юбок, а в окружении много парней. Мы все еще здоровались, и даже иногда болтали через забор, но я больше не могла разглядеть за этой красивой, ухоженной девушкой ту Аню, с которой мы лопали варенье из банки и красили ногти разноцветными фломастерами.

Выпускной год промелькнул слишком быстро. Закончив школу она, как и хотела, поступила в университет в Германии. Когда пришло подтверждение, Аня прислала мне сообщение, содержащее слишком много заглавных букв и восклицательных знаков.

– Да!!! Я сделала это! Я поступила! – кричала Аня из окна своей спальни, размахивая руками с зажатым в ладони конвертом.

На ее лице цвела счастливая, искрящаяся улыбка неподдельного восторга. В это миг нам снова было девять и наша

дружба была крепче стали и жарче огня. И я снова искренне радовалась ее успехам, как это было всегда.

Днем позже Никита прислал нам сообщение – их песню впервые поставили на радио, и мы слушали, устроившись каждая на своем подоконнике и врубив колонку на максимум. Две девушки, парень с мечтой и его голос. То, что нас всегда объединяло и разделяло одновременно.

В августе Аня упаковала чемодан и укатила в свою новую, полную волнений и предвкушений жизнь. Где Никита я имела очень смутное представление по обрывкам сведений из соцсетей.

Мы разбрелись по свету, каждый в поисках своего пути. И вроде все хорошо, но в итоге мы проиграли. Потому что в начале нас было трое, а теперь нас нет.

И я все еще плыла по течению, когда, три месяца спустя, Аня в своем Инстаграмме выставила фотографию, где они с Никитой, вместе. До омерзения счастливые.

8.

Сквозь белую пелену снега я наблюдала, как тетя Марна разгружает машину. Свет от стоп-огней красными лужами разливался по белому морю, в которое превратилась подъездная дорога. Она вытащила нагруженные продуктами сумки, неловко перехватила их одной рукой и, заперев машину, пошла к воротам. Было заметно, как она прихрамывает, осторожно переставляя ноги, в громоздких сапогах, по сугробам. Александр был дома – я знала это потому, что окно гостиной весь день было подсвечено экраном включенного телевизора, но подъездная дорожка скрылась под белым пологом, а свет над крыльцом не горел. Телемарафон «Охоты и рыбалки» сам себя не посмотрит...

Когда женщина споткнулась, едва не упав, я отвернулась и в очередной раз почувствовал укол стыда. В детстве я закрывала глаза и верила, что монстр из шкафа меня не найдет, если я его не вижу. Стыдно, что я все еще закрываю глаза.

Мне не довелось увидеть на Никитиной коже следы строгих мер воспитания его отчима. А после случая с битой и машиной, видеть было нечего. И если он все реже бывал у себя дома, предпочитая любую другую компанию и обстановку, то тетя Марина скрывалась за непроницаемыми стенами своего дома гораздо чаще.

На самом деле, я даже не замечала этого, пока мама

вскользь не упомянула. Это случилось прошлой весной. Мама стояла у раковины – руки в розовых перчатках по локоть в мыльной воде, тарелки глухо гремят. Рутинная работа, которую она выполняла изо дня в день, бездумно и механически. Пенни за твои мысли⁴, всегда думалось мне. Не зря же королева детектива сочиняла свои великие произведения именно за этим занятием⁵.

– Давно ее не было видно.

– Ммм...? – я была занята кроссвордом и мама выдернула меня из воспоминаний об уроках биологии. – Кого?

– Марину. Сейчас вот увидела, как она выкатывает мусорный контейнер, и поняла. – я удивленно смотрела на маму: ее взгляд потяжелел, глубокая морщинка прорезала гладкий лоб. – Второй день льет, как из ведра, а на ней солнечные очки. Опять.

Я промолчала. Что я могла ответить? Мы все знали причину свитеров с высоким горлом и кофт с длинными рукавами в летнюю жару, как и наличие солнечных очков в темную или пасмурную погоду. **МЫ. ВСЕ. ВСЁ. ЗНАЛИ.**

Потеряв работу, Александр пытался торговать рыболовными снастями по интернету, потом пробовал подрабатывать курьером и таксистом, но все больше оставался дома,

⁴ Английская пословица. «A penny for your thoughts», в переводе: Пенни за твои мысли. Используется, как еще один вариант спросить у человека, о чем он задумался.

⁵ Речь идет об Агате Кристи, британской писательнице, авторе множества детективных романов.

в компании телевизора и банки пива, вставляя в старый диван и покрываясь щетиной и жирными складками. Хмурый мужик, с мешками под глазами и в застиранной футболке, словно злая карикатура на Гомера Симпсона⁶, с нетерпимым нравом и тяжелыми руками. Время сделало его только хуже.

Сад зарос, водостоки не чистили от старой листвы уже несколько лет, краска на заборе в некоторых местах облупилась, а калитка протяжно скрипела и щелкала, под порывами ветра. Некогда теплый, уютный дом постепенно превращался во вместилище теней и призраков.

Хлопок закрываемой двери в ватной тишине вечера прозвучал слишком резко, выдернув меня из воспоминаний, и я вновь посмотрела на дом через улицу. Над крыльцом вспыхнул свет, лампочка пару раз мигнула, но все же осталась гореть. Снег уже укрывал машину белым.

Ночью обещали бурю.

⁶ Персонаж американского мультипликационного сериала.

9.

Я все еще сидела на подоконнике, когда ко мне в комнату заглянула Лена, моя двоюродная сестра. Сегодня вечер кино и мороженого. В последние несколько лет мы стали гораздо ближе, и я этому искренне рада. Лена хороший друг, верный. И с ней легко.

Перед глазами цветными фантиками мелькают фотографии Аниного Инстаграмма. Я в пижамных штанах и растянутом свитере, в то время, как Аня хохочет в немом стоп-кадре под, покрытой чернилами, рукой знакомого нам мальчишки. Я шумно выдохнула и потерла грудь в области сердца, в том месте, где последние несколько месяцев медленно стягивался тугой, горький узел. Я знаю, что не стоит этого делать, и все же скольжу пальцем по экрану дальше. Просто отписаться от обоих казалось мне крайне невежливо. Поэтому, я не придумала ничего лучше, чем удалить свой аккаунт в Инстаграмме, и теперь подглядывала за ними с телефона двоюродной сестры. Да, я трусиха, принято к сведению.

– Ты ведешь себя глупо. Завязывай, – грубовато произнесла Лена, поставив фильм на паузу. – Твои детские стенания нафиг никому не нужны.

– Вот спасибо! – проворчала я, пристыженная, и вернула ей телефон.

– Слушай, – она развернулась ко мне лицом, и я больше

не видела стремительного танца снежинок за окном. Когда Лена говорит, лучше слушать, а то и затрещину можно схлопотать. – Все это уже на грани абсурда. Либо позвони ему, либо угомонись и живи дальше.

– Я в порядке.

– Это ты маме своей будешь рассказывать! Тебе самой от себя не тошно? – узел в груди стягивался все сильнее, но я молчала. – Господи, вы не уникальны! Вы просто две девчонки, которым довелось жить по соседству, и втюрился в одного и того же парня. Приторная банальщина!

Лена потеряла лицо и сделала судорожный вдох. Когда злитя, она становится похожей на маленького сердитого гнома, но я все равно люблю ее. Моя двоюродная сестра привыкла говорить правду как она есть, в лицо, не особо выбирая выражения. В этом есть своё очарование, как ни странно.

Глаза жгло, но я продолжала смотреть в точку за ее спиной, сдерживаясь из последних сил.

– Ни в кого я не втюрилась, – тихо возразила я. Совсем не убедительно.

– Еще как втюрилась, – невозмутимо возразила она. – И пусть. Не в нем дело. Дело в тебе – друзья с пеленок, косички-фенечки, мир-дружба-жвачка. Вы были обречены на этот бред с самого начала. Но вы разные, самостоятельные люди, а не одно целое. Они оба уехал. У каждого своя жизнь. Точка. Ты хоть знаешь кто ты? – Лена дернула меня за руку, потому что я продолжала смотреть мимо нее. – Что тебе нравится,

кем ты хочешь стать, какие макароны ты любишь, а какие картины ненавидишь? Зачем ты, блин, встаешь каждое утро с кровати? Коптить небо?

Тут я не выдержала, и отвернулась. Глаза жгло солью, меня душила обида и я не могла ничего сказать. Потому что она права. Я всю жизнь была частью целого и оказавшись одна, барахталась в болоте беспомощности.

– Ты прости, но если ты сама себя не знаешь и не любишь, то как ты можешь ждать это от него. Или от любого другого, – сестра придвинулась ближе и обняла меня. У нее удивительно крепкие, теплые объятия. – Ты – это не размер одежды, цифра на весах, цвет глаз или волос и не дата в паспорте. Мы состоим из поступков и мыслей, из прочитанных книг и упущенных возможностей, из ошибок, мечтаний, всех тех мест, что мы посетили и того единственного, что зовем домом. А еще из людей, которых любим, слез, которые прячем и разочарований, которые превращаем в опыт. Начни с себя. Пойми кто ты. Ведь, давай честно, ты даже факультет выбрала, потому что туда пошли твои подружки из класса. Живем раз, не упусти все.

– Тебе стоит книги писать. Или с мотивационными речами выступать. Такой талант загубишь! – я удивилась, и была тронута, но больше... Господи, да я обалдела!

– Я подумаю над этим, – спокойно ответила Лена.

10.

Перемены не даются легко. Отпускать больно. А страхи жалят словно пчелы, но я им больше не поддаюсь.

Когда перед Рождеством я сказала родителям, что не намеренна возвращаться в университет на второй семестр, мама долго ругалась, а папа долго молчал. Решение было сложным, у меня поджилки тряслись, стоило мне подумать что же я буду дальше делать, но я настояла на своем. И родители сдались.

Длинный был вечер.

Легко сказать – найди себя. Я не представляла даже с чего начать. Искать работу? Другой университет и поступать на зимнее зачисление? Но на какую программу? И где я буду жить? Что я умею делать? Что я *хочу* делать?

Вопросы, словно рой мух, жужжали в моей бедной голове. Сказал бы мне кто-нибудь когда это уже закончится. Воистину, жизнь – боль.

Помощь пришла неожиданно. Моя одноклассница, такая же непутевая студентка как и я, в марте собиралась в Англию. Ее дядя предложил ей работу, раз уж она сидит на шее у родителей, и всем было бы спокойнее, если бы Алиса (родители – большие фанаты Кэрролла) поехала туда не одна. Я согласилась быстрее, чем успела подумать.

Квартира маленькая, дорогая и тесная для двоих; рабо-

та простая, требования минимальные. Подтянуть язык, посмотреть мир, набраться впечатлений. Так во мне проснулась отчаянная авантюристка, которая готова была паковать чемодан, хотя до вылета еще два месяца.

И я забыла о них. И о той жизни, что мы делили и потеряли. И больше ни о чем не сожалела.

Почти.

А потом, в феврале, сразу после маминого дня рождения, самой снежной зимой на моей памяти, когда пласт снега во дворе доставал до верхнего края моих сапог, ветер гонял белые вихри за окном, а деревья прятались под белыми одеялами – тихой ночью, под чистым звездным небом, к нам в дверь робко постучала женщина.

Босая, с красными пятнами на голой коже и разбитой губой. Из под старой кофты выглядывала мятая ночная рубашка, под носом запеклась кровь, а в углу глаза наливался синяк. Правая рука у нее была выгнута под странным, неестественным углом. Весь ее образ и поза были жалкими, но хуже всего был взгляд некогда ярких, голубых глаз – затравленный и обреченный. Мне не верилось, что эти же глаза горели на другом, знакомом мне лице.

– Я думаю, мне нужен врач, – прошелестела тетя Марина разбитыми губами.

Мама быстро отступила, пропуская ее внутрь, пока папа стоял, пораженный и немой, сжимая в руках бесполезную старую битую – Никитин прощальный подарок.

11.

Тетю Марину оставили в больнице. У нее оказалась сломанной правая рука и врач в приемном отделении подозревал сотрясение мозга.

Рано утром к дому напротив подъехал наряд полиции в сопровождении социальной службы. Они долго стучали в дверь, потом обошли дом и проверили окна. Папа объяснил мне, что если тетя Марина не напишет заявление, а Александр откажется открыть дверь, полиция ничего особо не может сделать.

Они покрутились еще, потом разделились и обошли соседей. Я пряталась в темноте на лестнице, когда родители рассказывали полиции, методично и подробно, что им известно о доме номер девять на другой стороне улицы и его обитателях. Оказывается, я много не замечала. Или не хотела замечать?

Когда женщина из социальной службы (узкое лицо, жесткий свитер, грубоватые пальцы яростно сжимают ручку, когда она пишет в разлинованном блокноте), спросила почему до сего времени никто ничего не сообщал, мама, не колеблясь, ответила:

– Мы считали, что это не наше дело.

Мама отвела глаза (надо отдать ей должное), когда женщина в жестком свитере перестала писать и одарила ее дол-

гим, тяжелым взглядом.

– Понятно, – сухо сказала она и вернулась к своему блокнутому.

Позже, у себя в комнате я заняла наблюдательную позицию на подоконнике. Трескучий ветер бросал снежинки россыпью в стекло, холодил кожу. Когда стемнело, а в соседних домах погасли огни, я все еще вертела в руках телефон, раздираемая сомнениями. Стоит ли звонить Никите? А вдруг, ему уже сообщили? Или его мама не хотела, чтобы он знал? Он все равно ничего не сможет сделать. Боже, да я даже не знала где он сейчас!

Меня переполнял гнев, досада на полицию, которая уехала ни с чем, но в большей степени – на себя. На весь наш глухой тупик: мы жили здесь, сколько себя помню, как и большинство наших соседей. И мы так долго закрывали двери, зашторивали окна и молчали, поджав губы, что очерствели.

Вот он, герой дня – темные силуэт в пустом окне, в бледном свете телевизора. От беспомощности мне хотелось рыдать, и тогда я поняла, какая сила толкнула Никиту в день, когда умер Джек.

Это должно быть такое хорошее чувство – разбить, разрушить что-то, чем дорожит твой враг. Одна только мысль об этом делала меня слегка пьяной. Ярость клокотала внутри с такой силой, что я испугалась. Для меня она мимолетна, а Никита жил с этим едким ощущением постоянно, каждый день, много лет. Оно выжигала его изнутри и не удивитель-

но, что и все, чего он когда-либо хотел – это сбежать.

Ветер выл, усиливаясь, кружил белый пух хороводом и я, убаюканная его напевами, сама не заметила, как задремала.

Меня разбудил резкий хлопок, и, от неожиданности, я чуть не упала с подоконника. Потянулась, разминая, затекшую от неудобной позы, шею. И только тогда посмотрела в окно, ища источник звука, разбудившего меня.

В тусклом свете фонаря, прямо напротив ворот дома номер девять, блестя черными, лакированными боками и изрыгая из своих недр сизый дым, был припаркован незнакомый внедорожник. Водительская дверь открыта и дорогой, кожаный салон заносило снегом. Поискав глазами, я увидела что калитка распахнута, а на толстом слое снега на крыльце свежие следы. Лампочка над крыльцом не горела и я практически прилипла носом к холодному стеклу, чтобы разглядеть что за тени копошатся под карнизом.

Когда вспыхнул свет сначала в гостиной, потом на крыльце, а мгновение спустя Александр отворил дверь (старый халат, всклокоченный волосы, босые ноги), я увидела высокую фигуру в черном. Сердце замерло, а затем понеслось галопом.

12.

Десять секунд. Столько времени мне понадобилось, чтобы скатиться вниз по лестнице, запихнуть босые ноги в сапоги, и выбежать в мягкую тишину ночи. Ветер с силой ударил в лицо, я почти потеряла сапог в сугробе у калитки, но даже не притормозила.

Меня накрыло странное, сюрреалистичное чувство *дежавю*.

Я была уже на середине дороги, ровно на разделительной линии, когда Александр осел на колени, держась одной рукой за разбитый нос, а второй вцепившись в правую штанину Никитиных джинсов, чуть ниже бедра.

Никита похудел, стал выше и шире в плечах, а его движения утратили резкость и мальчишескую угловатость. Было что-то завораживающе-прекрасное в том, как он заносит кулак для удара, а потом опускает его на плечи, голову, торс мужчины у его ног.

Время опять загустело, как тем весенним вечером много лет назад, превратившись в рваные лоскуты.

Тихое кантри из салона автомобиля, до нелепости неуместное в окружающем безмолвии ночи.

Белые хлопья снега в пронзительно-желтом свете фонаря.

Глухой стук распахнутой калитки о деревянный столбик – хлоп, хлоп, хлоп...

Холодный, обжигающий воздух в моих легких, на моей коже, в волосах.

Никита бьет отчима: плавно, методично, так бездушно и отстраненно, что почти красиво. Бах, бах, бах... Снова и снова.

Не раздумывая, я взлетаю по ступеням и хватаю его за руку, практически повиснув на ней. Тяну вниз и, застигнутый врасплох, он даже не сопротивляется. Нам удастся преодолеть почти три ступеньки, когда Никита выдергивает руку и оборачивается ко мне. Под капюшоном черной худи, на узком, бледном лице, горят синевой знакомые глаза – два арктических озера, два океана ярости.

Яркие капли на снегу. Кровь на его костяшках и кровь на лице Александра.

– Пусти, – говорит Никита, выдергивая руку. Но я только усиливаю хватку и продолжаю тянуть его вниз, к машине, в снежную пургу.

– Ты разбил мне нос, маленький ублюдок! – хрипит Александр и Никита дергается вперед, почти освободившись.

– Нет, не надо, – уговариваю я. – Он того не стоит. Давай уйдем. Пожалуйста, давай просто уйдем!

Свет над крыльцом вспыхивает и гаснет, будто, подающий сигналы бедствия, маяк. Александр пытается подняться на ноги, но оступает и со шлепком приземляется на пятую точку. Его халат распахивается, являя миру бледные, варикозные ноги и несвежее белье. Он нелеп и жалок, и я почти

сочувствую ему. *Почти.*

Оставайся на земле, думаю я.

Никита дергается вновь, но уже гораздо слабее. Он тяжело дышит, белый пар клубами вырывается из его рта и тает. У машины мы останавливаемся и он с силой пинает колесо. Потом глушит двигатель, запирает дверцу, сцепляет пальцы замком на затылке и устремляет взгляд в темное небо.

Над нами кружатся в танце белые хлопья, в просветах темных туч мелькает серебром бледная луна. Зимняя ночь упительна, бесконечна.

– Ты ответишь мне за это, поганец! – хрипит с крыльца Александр. Он все еще в снегу, его нос и бровь разбиты и густая, темная жидкость продолжает капать на снег и на халат.

Не двигаясь, Никита закрывает глаза. Постепенно его дыхание выравнивается. Я жду. Смутно осознаю, что замерзла. Ветер треплет мне волосы и они выются лентами, застилая глаза.

– Почему ты не позвонила? – наши глаза встречаются и я понимаю что он все еще зол.

– Я не знала где ты...

Губы онемели и дрожат, так что я даже не уверена, что он меня слышал.

– На расстоянии телефонного звонка, мать его! Это просто – набрать восемь гребаных цифр! Ты же еще помнишь мой номер?

Я вздрагиваю. Просто смотрю на него, немая, и чувствую

как обида ползет вверх по горлу, сжимая связки.

Скрытый старым забором, кряхтит, пытаюсь встать, Александр. Неловко ерзая и отплеываясь, он подтягивает свое обрюзгшее тело ближе к входной двери.

– погоди, сопляк безродный, – сопит он и что-то (кровь) противно булькает у него в горле. – Я тебе еще покажу... Ты у меня еще получишь...

Медленно, прижав к лицу пригоршню снега, некогда такой страшный, а теперь просто жалкий, мужчина, осторожно ступает за порог дома и закрывает дверь.

Если закрыть глаза, монстр меня не тронет.

В этот раз ему закрывать глаза.

Никита снимает капюшон и устало трет лицо. Он выглядит измученным, гораздо старше своих едва-двадцати, и весь мой гнев испаряется. Он прав, я должна была позволить. Это парень, который разбил машину из-за собаки, а я не потрудились сообщить ему о матери.

– Ты прав, – говорю я, дотрагиваясь до его руки. Впервые робко. – Прости.

Сперва мне кажется, что он меня оттолкнет. Я ощущаю себя просителем у ног господина, и это чувство наполняет меня горечью. Порыв ветра ударяет в спину, пробирается под майку, кусая и жала ледяными иглами, и я уже не могу сдерживать дрожь.

– Черт, – приходит в движение Никита, – ты замерзла.

Рывком он стягивает худи и отдает ее мне. Потом вновь

отпирает и заводит в машину. Мои руки так заоченели, что я почти минуту не могу расправить на себе толстовку, так что Никите приходится мне помочь. Мы садимся в теплый салон и он включает печку на полную. Нас окутывает запахом дорогой кожи и лимонного освежителя.

Какое-то время оба молчим.

– Ты сдал на права, – невпопад говорю я, когда немного согреваюсь.

– В Германии. Получилось в два подхода.

Я киваю, хотя это совершенно не важно. У меня чувство, что я его больше не знаю. Что мы непреодолимо чужие, разорванные временем и вереницей прожитых мгновений.

– И купил машину...

– Это не моя. Прокатная.

Никита кладет ладони на руль и устало откидывается на сиденье. На его коже слишком много чернил: надписи, замысловатые рисунки, ноты и цифры – они покрывают его, словно броня. Я чувствую слабый запах табака и пряного одеколona, замечаю, что его волосы слишком светлые и так отросли, что завиваются у основания шеи и закрывают глаза. На безымянном пальце – широкое кольцо из темного металла, в брови серьга.

Кто ты, черт возьми, думаю я. Что ты прячешь под всей этой темнотой?

– Как там Аня? – глупо, глупо, глупо...

Никита смотрит на меня, и я не могу прочесть его взгляд.

– В порядке, – наконец отвечает он. Я киваю. Мне хочется сбежать из этой машины, от его глаз, умытых синим холодом. – Как давно мы не виделись?

– Около полугода, – вечность и еще миллион лет назад.

– Ты не изменилась.

Ха! Только бы не зареветь...

– А тебя совсем не узнать.

Он оглаживает себя, словно не понимает, о чем я. И горько ухмыляется.

– Обстоятельства изменились. Не я. Черт, мне надо покурить! – он хлопает себя ладонями по груди, потом по передним карманам джинсов, и тянется ко мне. – Там, в кармане, должны быть сигареты, поищи.

Получив желаемое, он выходит в ночь. Ветер треплет его майку и путает волосы.

Вся эта ночь – словно вырванный кадр из фильма: слишком яркая, до боли острая. Я включаю радио и прибавляю звук. На меня накатывает и не покидает ноющее, гадкое чувство, что я не хочу тут быть.

Скользну взглядом по темному дому, притаившемуся в тени силуэту и вдруг вспоминаю, как оказалась тут. Что если Александр вызовет полицию? Я тянусь к окну и зову Никиту, говорю ему.

– Нет, – уверенно отвечает он, – полицию этот трус позовет в последнюю очередь.

– Но вот же мы, как на ладони! Под самым порогом. Вот

его кровь на снегу, на твоих руках, на твоей толстовке! – я почти кричу, но ничего не могу с собой поделать.

Чувствую как меня охватывает паника: зрачки расширяются, грудь сжимается, колени слабеют. Я нервно ерзаю, оглядываясь и Никита сдается. Он отъезжает дальше по улице и паркуется в тупике, за старым зданием котельной. Фонарь здесь не горит, салон окутывает полумрак, и я больше не могу видеть его лица. Может, так даже лучше.

Мы опять молчим. С грустью я осознаю, что не представляю о чем бы мы могли теперь говорить. Тишина между нами всегда была уютной, но сейчас я словно подключена к электрическому кабелю.

– Иногда я жалею что уехал, – хрипло произносит Никита, и я замираю. – С тех пор, как взял в руки гитару, это было моей мечтой, и в итоге я получил все что хотел. Но потерял еще больше. – он поворачивается, и я кожей чувствую огонь в его взгляде. – Если бы тогда, у старого сарая, когда ты сказала, что я могу изменить мир при помощи чернил и бумаги, кто-то предупредил меня, что тебя больше не будет в этом новом, измененном мире, я не написал бы больше ни единого слова.

Перед моими глазами – черная пелена за черным стеклом. Я вся обращена в слух, боясь поднять на него глаза, боясь даже дышать.

– У меня ушло два проклятых года, чтобы понять почему у меня потеют ладони и дрожат поджилки, стоит тебе по-

явится в поле зрения. А потом еще год, чтобы набраться смелости и признаться тебе. И, проклятье, именно в тот день вы обе решили свести меня с ума! Одна со своими экспериментами, и ты... – он горько усмехается и трясет головой, а я все еще не уверена, что помню как дышать. – Ты сказала, что рада за нас. Мать его, лучше бы ты проткнула мне легкое! Черт, что мне надо было сделать? Написать для тебя песню?

Сердце в моей груди колотится так сильно, что, мне кажется, его должно быть слышно на другом конце города. Он... что он говорит? Мои мысли, словно раненые птицы, мечутся и сталкиваются в моей голове. Возможно ли? Неужели, все эти годы я была такой слепой?

Порыв ветра ударяет в стекло пригоршней снега, и я вздрагиваю, очнувшись. Выругавшись, Никита заводит машину и медленно катится к моему дому. Останавливается, переключает на нейтральную передачу и шумно выдыхает. В темноте я остро чувствую его пристальный, сверлящий взгляд. Мы снова в мягком свете фонаря, он обволакивает нас уютным одеялом, и мне, как никогда, страшно взглянуть на него. Мальчика, которого я знала дольше, чем себя.

– Все, что меня окружало всю жизнь, было сплошной катастрофой. Я сам был катастрофой, и единственное, что держало меня и не давало сдаться – это ты. Ради тебя я всегда хотел быть лучше, чем я есть на самом деле, – не выдержав, Никита дергает меня за руку, с силой развернув к себе лицом. – Тебе вообще нечего мне сказать?

– Я..., – во мне столько слов и эмоций: они пузырятся бурным потоком в моих венах, в сердце, что я боюсь – стоит разомкнуть губы, произнести хоть слово, – и я просто взорвусь. Он застал меня врасплох. Весь этот долгий, безумный день кажется нереальным.

– Ладно, – Никита рывком выбирается из машины, быстро обходит ее и отпирает дверь с моей стороны. Я же просто тарашусь на него, словно олень, пойманный в свете фар. – Уже поздно. Или рано. В любом случае тебе пора.

И когда он протягивает руку, я послушно кладу в его ладонь свои пальцы. Холод обжигает.

– Я не знала, – быстро говорю я. Теперь слова рвутся из меня, наскакивают друг на друга. – Я думала, что ты.. что вы.. Если бы я только...

Не знаю что, если бы только. Продолжение он стирает своими губами – шершавыми, настойчивыми. Он пахнет так сладко, а на вкус словно летний вечер и мятный чай: пряный, тягучий. Все мое тело ощущается легким под его руками. Время перестает существовать и мы живем только этим мгновением.

А потом, так же внезапно, он отступает на шаг. Мы оба тяжело дышим. Ветер утих и снег валит крупными, тяжелыми хлопьями. Никита смотрит на меня сквозь эту пелену, не мигая.

– Я ходячая катастрофа. И ты должна разобраться с тараканами в своей голове. Потому что, черт, я знаю что все ис-

поганил и сделаю это еще ни один раз, поверь. Но мне больше не пятнадцать. И я хочу все эти «если» и «возможно» с тобой, но для этого, ты должна выбраться из проклятой раковины, в которую забралась с головой и наблюдаешь за миром, сквозь щель. Я не скажу, что буду ждать тебя вечно. Я никогда не смог бы тебе врать. И как бы там не сложилось, я всегда буду рядом, если нужен. Но, черт возьми, даже не думай, что то, что мы сейчас начали, так легко закончится.

И, прежде чем я успеваю сказать хоть слово, Никита прижимает меня к себе в быстром, жадном поцелуе, потом отстраняется, идет к машине, садится и уезжает. Я наблюдаю, как стоп огни красными маячками мигнули и погасли на повороте с нашей улицы. Остались только я, снег и фонарь.

Меня не оставляет ощущение, что все это сон.

13.

В следующий раз я увидела Никиту уже в больнице. Меня мучила совесть и я решила навестить тетю Марину. Никто не любит лежать в больнице, в одиночестве.

Ей досталась отдельная палата – синие стены, белые жалюзи, высокое окно с видом на промышленную зону. Через окошко в двери видно Никиту: он сидит, ссутулившись, и держит мамину руку. Тетя Марина выглядит маленькой и очень бледной в безжалостном свете флуоресцентных ламп. А он кажется нелепо-большим на пластмассовом стуле. Они спорят, и мне не хочется мешать. Поэтому я спустилась в фойе и взяла себе кофе в автомате, попутно изучая плакаты на стенах: прививки от клещей, легкие курильщика, наркомания среди подростков, улыбчивые беременные девушки. А где мужик в халате и с ремнем? Большая, грозная тень в ярком проеме окна. Ему тоже найдется место на этой стене.

Когда я вернулась в палату, тетя Марина спала, а Никиты нигде не было. Поэтому, я просто оставила на тумбочке маленькую записку, книгу, принесенные яблоки и пачку маминного любимого чая.

Проходя через фойе я вновь рассматриваю плакаты. Почему-то они никак не идут у меня из головы.

Не знаю о чем они говорили с сыном, но тетя Марина все же написала заявление на мужа. Почти месяц после выпис-

ки она жила у нас, в соседней со мной комнате, где обычно останавливаются мамы родители. Комнатка небольшая, заставленная лакированной мебелью, но единственное окно выходило на восток, и все, что из него видно – восход солнца и шоссе, по которому мой папа каждый день добирается до работы. С глаз долой, как говорится.

Тетя Марина первоначально напоминала тень женщины, всего лишь бледное свое подобие. Она много читала и мало разговаривала, а если и говорила, то только с моей мамой.

– Ей очень стыдно, – однажды сказала мама, и эти три слова меня поразили, – я пытаюсь помочь ей с этим.

Наверно, она чувствовала свою вину. Или же мне просто хочется так думать. В конце концов, каждый из нас просто человек, и мы не идеальны. Важно не какие ошибки мы допускаем, а как их исправляем.

Александра задержали спустя три дня. За повторным приездом полиции я наблюдала с крыльца, открыто и немного с вызовом. Мне хотелось увидеть его глаза, страх в них. Вероятнее всего, его оштрафуют и выпустят. Система не безупречна, колеса правосудия старые и ржавые. И он вновь вернется на свой диван, в дом номер девять. Но в тот момент, я торжествовала. Я сняла на телефон видео, как Александра выводят из дома – помятого и вяло сопротивляющегося, – которое потом переслала Никите. Он заслужил это увидеть.

С той ночи он пишет мне каждый день. Он не шутил, говоря, что так просто все не закончится.

Не знаю, как там будет дальше. Его карьера в самом начале, и своих планов я не отменяла. Мы все еще разделены километрами дорог, часовыми поясами, невыполненными обещаниями и миллионом «если». Но меня это больше не пугает.

Аня

Жизнь короткая, говорила мне мама. Нет смысла тратить ее на страхи и сомнения. Будь смелой, ставь себе высокие цели. Всегда слушай свое сердце.

И я смотрела на мир огромными, жадными глазами. Мне хотелось всего – все успеть, все увидеть, все попробовать. Зелено-голубые, прозрачные моря и белые песчаные пляжи. Восход солнца над шумным, многомиллионным городом и в тишине покрытых снегом гор. Научиться играть на рояле и совершить полет на воздушном шаре. Всего. Чем бы я ни занималась, я отдавалась этому максимально, целиком. Иначе не умела.

Поэтому и в дружбе я была честной, дерзкой. И мне повезло с друзьями, очень. Эти двое делали меня сильнее.

А потом, мы превратились из детей в подростков и впервые влюбились. И в любви я была столь же яростной и жадной, столь же бесстрашной, как и во всем остальном.

В него нельзя было не влюбится. Прекрасный юноша с раненой душой и ледяными глазами. Мальчик с мечтой. Он мне снился, постоянно, будто наваждение. В пятнадцать, когда дела у него дома пошли совсем плохо, Никита стал ускользать, словно туман сквозь пальцы, пугающе быстро. Я запаниковала, решила, что время заканчивается, и поцеловала его. Тогда-то все и переменялось.

И пускай отныне нас было двое, но в жизни за все надо платить. Моей ценой стала лучшая подруга. Жалею ли я о ней? Обо всех тех утраченных моментах, которым не суждено стать былью? Каждый день. До сих пор, каждый раз, когда со мной случается что-то потрясающе-хорошее, она – первый человек, с которым мне хочется этим поделиться. Потому что никто не умеет так радоваться чужим успехам, как она.

Бывало – и довольно часто, – меня нестерпимо тянуло взять телефон, позвонить и просто спросить как у нее дела. Или написать сообщение, мейл, старомодное бумажное письмо – да все что угодно! Но я сожгла мосты, потопила корабли, обрезала все нити.

И мне отчаянно хотелось верить, что все это того стоит, потому что у меня есть Никита. Куда бы нас не кидало, мы всегда находили друг друга, словно связанные невидимыми нитями.

Я принимала его любим. И любила его разным: злым и помятым после бессонных ночей, когда слова не складывались в тексты так, как ему хотелось. Уставшим, липким от пота, но счастливым после выступления на сцене. Любила его руки, огрубевшие от струн кончики пальцев на моей коже, запах его маек – табак и мята. Спящим. Смеющимся. Грустным. Злым. Я просто любила его.

Однако, со временем, я начала осознавать, что, пускай мы порой и просыпались под одним одеялом, он все еще усколь-

зает от меня, словно туман.

Ошиблась ли я? Я задавала себе этот вопрос миллионы раз и не находила ответа. Тянулась к нему, а Никита смотрел на меня своими ясными, обжигающими глазами и молчал.

А потом ему позвонили из больницы, из прошлой, оставленной позади жизни, и все закончилось. Только вот осознание беды пришло не сразу. Ведь я любила его так яростно и сильно, отдаваясь без остатка, что совершенно не оставила в душе места, чтобы полюбить себя.

Он уехал и вернулся спустя три долгих дня. Не позвонил. Нас разделяли города – я в Дрездене, он в Амстердаме. Через неделю их ждали три дня фестиваля в Штутгарте, и мы договорились встретиться в Кельне, по дороге.

Город встретил меня проливным дождем. На вокзале я взяла такси и добралась до отеля. У администратора меня ждал букет цветов и приглашение.

Я собиралась особенно тщательно, чувствуя непонятный трепет. Все карты сыграны, финальный акт.

И вот она я, в красивом платье, с томным взглядом и переполненная искрами волнения. Ресторан дорогой, в таких мы еще не бывали. Никита предпочитает пиво и простых людей, с которыми можно перекидываться шутками вдоль барной стойки, и это – одно из многого, что мне в нем нравится.

Цветы на столе прекрасны, столик на двоих в укромном уголке, скрытый мягкими тенями: тихая музыка, изысканный ужин, искры хрусталя под потолком – все великолепно.

Но ощущается так неправильно.

Никита отложил вилку, долгим глотком отпил вина и, потянувшись через стол, взял меня за руку. Мягко повернул ладонью вверх, словно изучая узор на коже, а потом посмотрел мне прямо в глаза открытым, честным взглядом.

– Ты помнишь время, когда я был безумно влюблен в тебя?

Холод волной спускается у меня по спине. Мы никогда не произносили эти три слова вслух. Мне казалось, что в этом нет необходимости. Поэтому, я шепчу:

– Нет.

– Хорошо, – он отпускает мою ладонь и откидывается на спинку стула. Кожей запястья я ощущаю бархатную прохладу скатерти. – Потому, что я никогда тебя не любил.

– Что? – он тянется через стол, но я отдергиваю руку. – О чем ты говоришь?

– Послушай, я не хочу тебя обидеть. Никогда не хотел, правда, – его глаза – бездонные озера искрящейся воды. Чистой, честной. Я хочу ему верить, но его слова жалят. – Когда я был с тобой – я был только с тобой. И все между нами было правдой. Я не знал, как ты ко мне относишься, потому что не хотел. Это все усложнило бы. И да, это не честно. Мы начали детьми, а потом просто... просто продолжали.

– Нет...

– Ань, ты важна для меня. Ты так долго была рядом, мы всю жизнь знакомы. И ты знаешь обо мне больше, чем кто-

либо. Но ты *не знаешь меня*. Потому, что я не позволил. Не хотел тебя пускать, и отпускать не хотел, ведь одному невыносимо. Но мы больше не дети, и я достаточно всего испоганил в жизни. Ты и я не должны быть в этом списке. Все кончено.

Он все еще что-то говорит – я вижу как двигаются его губы, но не слышу ни слов – только противный, монотонный звон в ушах. Перед глазами проносятся все мгновения, что мы разделили на двоих. Осколками они рвут меня, режут на куски.

Он никогда меня не любил.

Я смотрю на Никиту напротив – внезапно-чужого, далеко-го. Его лицо размывается, теряет форму в мягком освещении ресторана. С ним было удивительно. А без него я не умею. Никита перевернул мой мир: наполнил его смыслом, сладкой дрожью первых прикосновений, робкими, волнительными мечтами.

Он никогда меня не любил...

Он – моя первая любовь: та, которую помнишь всю жизнь. Не хочу так больше. Моя любовь опустошающая, как лесной пожар: выжгла сердце, опалила душу и вот я, в ядовитой темноте. Задыхаюсь. Забери ее.

Я встаю, намереваясь уйти от него, от моего прошло и будущего, и он не пытается меня остановить.

Порой то, чего мы желаем сильнее всего, нас же и губит.

Эпилог

Британия навсегда останется в моем сердце зелено-голубой землей, умытой дождями и обласканной ветрами. Я влюбилась в мощные брусчаткой тротуары и шумные, пропитанные кислым запахом эля, пабы, в величественные древние соборы и маленькие церквушки; в шумные улицы городов и пустынные проселочные дороги, когда за окном только трава и стада овец. В бесконечный горизонт с кудрявыми, пышными облаками.

Я скучаю, особенно в осенние дни, когда в воздухе пахнет пряной листвой. Но я ни минуты не жалею, что вернулась. Работа в пансионате для престарелых (изнурительная, грязная, порой просто невыносимая) заставила меня переосмыслить свои приоритеты и задуматься о будущем. Мир огромный и несовершенный. Так что, пол года спустя, я вернулась в Ригу и вновь поступила в университет, теперь уже на бакалаврскую программу «Социальная работа». Когда я вновь задалась вопросом, что же я хочу делать со своей жизнью, выбор дался на удивление легко, и оказался единственно очевидным.

Все, что случилось, заставило меня понять, как важно быть услышанным, когда мир кругом немой и враждебный, а ты один и тебе некуда пойти. И если я смогу помочь, изменить к лучшему жизнь хотя бы одного человека, я изменю к

лучшему и мир тоже. Важно начать с себя.

И я обязательно увижу плакат о домашнем насилии на стене в фойе каждой больницы. Он там будет.

Теперь я знаю, что есть так много вещей, за которые мне стоит быть благодарной. Каждый день я чувствую поддержку родных и друзей. И Никиты.

Мы... было непросто, и до сих пор, порой, мы не видимся по несколько недель. Ребята работают над вторым студийным альбомом, их график все еще безумен, но они поймали свою удачу за хвост и держат крепко. Я безумно горжусь им и всем, чего он достиг.

Мы не идеальны. Это было бы слишком скучно. Мы пережили все наши «если» и «возможно», но жизнь длинная, а мы мечтатели.

И он все же написал для меня песню...